

Глава 1

Осава

Долина О-Клер, январь 1897 года

— *С*ы тоже это слышали? Проклятые волки совсем близко!

Ортанс, жена Колéна Руа, владельца бумажной мельницы¹, в местном обиходе привычно именуемой Пастушьей, перекрестилась. Ее дочь Клер и племянница Бертий, сидевшие за столом друг напротив друга, наострили ушки. Девушки то и дело вздрагивали, но не от сквозняка, хотя из-под двери и тянуло ледяным холодом. Переключка обложенной в ночи волчьей стаи кого угодно встревожит.

— На улице холодина! — сердито продолжала женщина, останавливаясь возле кухонной плиты. — Уже две недели морозы. Вот северный ветер и гонит зверье из леса, поближе к нашим домам.

Клер озадаченно посмотрела на мать. Ортанс Руа стояла неподвижно, на лбу у нее залегла глубокая морщина. Уже много лет суровое выражение не сходило с ее некогда миловидного лица. Даже в ясном взгляде серо-голубых глаз читалась какая-то потаенная горечь. Безукоризненно опрятная одежда — белоснежный накрахмаленный чепец, красный шейный платок, тяжелая юбка зеленой шерсти под широким фартуком из небеленого полотна —

¹ Традиционное наименование мануфактур, производивших бумагу ремесленным способом. Строились на реке, функционировали по принципу водяных мельниц. (*Здесь и далее примеч. перев., если не указано иное*).

безжалостно подчеркивала усталость ее черт и нездоровую бледность.

— Мамочка, не волнуйся, мы ведь не держим овец! — постаралась успокоить ее Клер. — А три моих козочки в сарае, за крепкими стенами. Волкам до них не добраться!

Ортанс досадливо поморщилась, не уловив в голосе дочери насмешки. Примерилась, как бы половчее взять большую супницу, до времени стоявшую с краю на монументальной чугунной печке — чтобы не остыла. Приятно запахло горячим гусиным жиром и чесноком. Бертий Руа шевельнулась в своем кресле.

— Тетушка, не несите пока что супницу! Сужином можно подождать. Дядя Колен наверняка скоро придет. Он так любит ваше фасоловое рагу! Лучше сядем за стол все вместе.

— Ой! Слышите? — вскричала Клер, вскакивая со скамьи. — Стреляют!

— Облава, — прошептала Ортанс. — Только бы ни с кем из охотников не случилось беды... И ведь это все затеял мсье Жиро! У него, видите ли, две овечки пропали, и все мужчины деревни вынуждены идти охотиться на волков. Да еще в субботу вечером! Колен не умеет обращаться с оружием. Парни с мельницы пошли со всеми, но ему зачем было идти?

Клер усмехнулась про себя. Отец ее был человек добрый, мечтатель и все свои силы и умения отдавал работе. Невозможно было представить его идущим по волчьему следу с ружьем в руках. Но раз Эдуар Жиро, богатый фермер, державший в кулаке всю долину, прислал слугу с распоряжением всем молодым и здоровым парням с мельницы, включая владельца, явиться немедленно, делать нечего.

— А наш старичок Моиз? — спросила Бертий. — Он уже дома?

— Чертов пес! Чтоб ему провалиться! — воскликнула Ортанс. — Не желаю видеть его в доме. От него разит. Да еще еду таскать повадился!

Берти́й пробормотала что-то извиняющимся тоном. Ей не хотелось сердить тетку. Три года назад родители девушки погибли при столкновении конного экипажа, в котором они все находились, с поездом. Берти́й уцелела, однако ноги отказывались ей служить — превратились в объект стыда, который она тщательно прятала под юбки. Колен Руа, дядя по отцовской линии, приютил ее в своем доме, в долине реки О-Клер. «Теперь у нашей Клер появилась сестра!» — сказал он, улыбаясь сквозь слезы и думая о брате, столь безвременно почившем.

Ортанс в ответ промолчала, хотя содержать пятнадцатилетнюю калеку ее совершенно не прельщало. Иной раз она и суп племяннице наливала, недовольно морщась, и за эти три года ни разу не сказала ей доброго слова. И это при том, что не любить Берти́й было невозможно. Клер ее обожала, и неизбежные заботы о калекe не вызывали у нее отвращения. Она помогала кухне мыться, одеваться. Вот и сейчас, пятясь потихоньку к двери, за нее заступилась:

— Мамочка, я согласна с Берти́й. Обычно Моиз приходит за своей порцией супа. Что, если на него напали волки? Я так его люблю!

Клер сняла с вешалки накидку. Надела, поправила капюшон на длинных, ниже талии, темно-каштановых волосах. Настроена она была решительно. Щеки разругались, черные глаза сверкали, маленький нос задорно морщился. На ярких, как вишни, губах танцевала улыбка.

— Фонарь мне ни к чему, сегодня полнолуние. Мамочка, я выйду, позову Моиза и вернусь!

Ортанс отозвалась сердито:

— Клер, я запрещаю! Будь дома! Хватит того, что твой отец слоняется по окрестностям ночью. Этьенетта уже легла, так что мне понадобится твоя помощь.

— Я ей сочувствую, бедняжке! Работает за десятерых, с утра до ночи.

Клер всех на свете готова была защищать от своей суровой матери. Четырнадцатилетняя Этьенетта поступила на службу в дом Руа прошлой весной и с тех пор жила, как пугливая мышка. Ортанс давала ей кров — матрас на чердаке, и еду — вчерашние объедки. Еще маленькой служанке случалось выслушивать ее иеремиады¹: мол, Этьенетта ворует еду у свиньи в сарае, а иногда и у кур.

— Мам, я быстро!

Миниатюрные пальчики бунтовщицы быстро управились с защелкой, и дверь распахнулась, впуская ледяной северный ветер. Клер, удивляясь собственной смелости, окинула воинственным взором комнату, где прошло ее детство: по обе стороны огромной печки — два тяжелых сундука, длинный стол темного дуба, стенные часы с качающимся маятником, беленые известью стены, темно-коричневые потолочные балки, с которых свисают многочисленные пучки высушенных лекарственных трав... Обстановка, знакомая до мелочей. И похожее на цветок личико Бертий... Она такая бледная, такая миниатюрная со своими собранными в шиньон очень светлыми волосами, серыми глазами и белоснежной кожей!

— Я прихвачу папину трость с железным набалдашником, — добавила Клер. — И вообще, там охотники, выстрелы, так что мне бояться нечего. Волки наверняка убежали!

И она скрылась в синеватых сумерках. Ортанс еще раз перекрестилась. Никому не удержать Клер, столь же живую и своенравную, как воды реки, которая уже несколько столетий, днем и ночью, вертит три лопастных мельничных колеса.

«Господи, спаси ее и сохрани!» — взмолилась про себя Бертий.

У девушки внезапно защемило сердце, на глаза навернулись слезы. Как бы ей хотелось последовать за Клер, вот

¹ Иеремиада — горькая жалоба, сетование (по имени библейского пророка Иеремии, оплакивающего падение Иерусалима).

так же ловко завернуться в накидку и выскочить за порог! Она тихонько похлопала по худеньким бедрам под толстой тканью юбки. Бертий часто хотелось умереть. На земле ее удерживали лишь страх согрешить, улыбка дяди Колена да искренняя привязанность кухни.

* * *

В одном Клер все же просчиталась: огромные тучи закрыли собой луну. Шел мелкий снежок, очень похожий на град.

«Надо было взять фонарь! Хотя... И так не заблужусь!»

Девушка немного постояла на крыльце, потом спустилась по ступенькам на мощенную камнем террасу. Внимательно осмотрела двор, удивляясь, что он уже успел побелеть от снега. Темные пятна земли еще виднелись возле конюшни, сараев для сушки бумаги и крытого гумна. В овчарне тревожно блеяли козы. Это была самая маленькая из хозяйственных построек, с выходом на просторный луг, от которого многочисленные тропы поднимались к лесистому плато. Три отцовских лошади тоже вели себя беспокойно. У Клер быстрее застучало сердце: может, они почуяли волка? Ведь этот страшный зверь с длинными клыками и жутким взглядом может затаиться где угодно... Клер никогда не приходилось видеть волка вживую, но в особенно суровые зимы их голодный вой часто доносился с соседних холмов.

— Моиз! Моиз!

Ветер подхватывал ее слова и уносил, словно себе на потеху. Но Клер не сдавалась, звала снова и снова. И вдруг — голоса! В восточной стороне, у подножия утеса, затанцевали желтые огоньки.

«Облава!» — подумала девушка.

И замерла в нерешительности. Отец наверняка там! Несколько минут бегом, и она его разыщет. Но бежать одной, в темноте, очень страшно... И все же беззаботность и оптимизм, так свойственные семнадцатилетним, побороли ее сомнения.

«Там будут папа и сын мсье Жиро... Он наверняка восхитится моей смелостью!»

И, улыбаясь своим мыслям, Клер побежала по дороге. Надежда перекинуться словом с красавцем Фредериком окрыляла. Юноша еще не выбрал себе невесту, и в деревне поговаривали, что честь завоевать его сердце наверняка выпадет ей.

Они с Жиро были соседи. Это фермерское семейство владело многими гектарами леса и пашни и занималось разведением коров и лошадей.

Холод пронизывал до костей, но Клер упорно шла, зная, что, чем скорее шаг, тем быстрее в теле циркулирует кровь. Она поймала на язык несколько снежинок, весело засмеялась. Ничто не могло помешать ей чувствовать себя счастливой в этот вечер. Развлечений на мельнице мало, и тем увлекательнее было оказаться одной в ночи, в снегопад, и тем приятнее повстречаться с соседями. С весны странное, сладкое томление поселилось в ее сердце.

В мае — а это лучшее время для пребывания на природе — Клер любила гулять по тропинкам, вдоль ручьев и собирать лечебные травы, самой природой разбросанные у людей под ногами, чтобы помочь им исцеляться. Наука предков, зародившаяся на заре цивилизации... Клер знала все потаенные целебные свойства каждого цветка, листочка и корешка, и ей очень нравилось возиться в «аптеке» — маленькой каморке на мельнице, которую выделил ей отец. Там с помощью спиртовки она готовила отвары и настои, раскладывала травы на просушку, толкла в ступке корневища растений.

Работники бумажной мельницы первыми испытали на себе благоприятное воздействие ее снадобий. Ушибленный палец Клер врачевала мазью из окопника лекарственного, на место ожога наносила истолченные в козьем молоке цветки коровяка.

Зима всегда казалась ей слишком длинной. Вот и сейчас Клер думала о том, что скоро в растениях снова двинется

сок и набухнут почки. Проходя по снегу, поскрипывающему у нее под ногами, она вспоминала, какие растения и цветы растут в этом вот конкретном месте и на этом склоне, где земля поплотнее. Так, в задумчивости, она дошла до утеса.

Огромная каменная глыба, похожая на крепостные стены, насчитывала множество пещер, куда ребячье путь был строго заказан. Бабушка Клер, умершая прошлой осенью, рассказывала об этих пещерах страшные истории. К примеру, что в давние времена там жили чудища, чьи кости и зубы до сих пор в самом сердце горы находят смельчаки. И что сам дьявол посещал эти подземелья, потому что их коридоры, полные летучих мышей, ведут напрямик в ад.

Ортанс с Коленом мыслили прозаичнее: что водоплавающие птицы нашли там удобное убежище от лис, куниц и барсуков. Доказательством тому были регулярные набегии этих мелких хищников на окрестные курятники.

Клер, скрестив пальцы, всматривалась во входное отверстие одной из пещер, когда злобный лай заставил ее замереть на месте.

— Моиз!

Где-то рядом крикнул мужчина, слышались какие-то щелчки... Клер уже ни о чем не думала, она действовала по наитию. Подхватив юбки, стала быстро взбираться по склону туда, где, как она знала, было пологое место и откуда доносился шум.

— Моиз! Моиз, ко мне! На кого ты лаешь?

Выставив перед собой трость, девушка замерла — такой неожиданной была открывшаяся ей картина. В свете стоящего на земле фонаря она разглядела мужчину, который целился в ее пса. Моиз стоял в паре шагов от него, скаля жалкие остатки своих зубов. Старый пес был крупным, и лай его, перемежающийся с рычанием, звучал грозно.

Мужчина заметил Клер и крикнул:

— Назад, мадемуазель! Этот пес бешеный!

По пряди золотистых волос, выбившейся из-под широкополой шляпы с фазаньим пером, Клер узнала Фредерика Жиро. Ну конечно! Это круглый год смуглое лицо с прямым носом, эти зеленые миндалевидные глаза, чье колдовство ей уже довелось испытать...

В иных обстоятельствах она бы оробела. Но момент был критический, и девушка смело заявила:

— Мсье, это мой пес, и он не бешеный. Пожалуйста, не стреляйте! Сейчас я его успокою. Он просто вас испугался.

Юноша в раздражении топнул ногой.

— Отойдите бога ради! Там, чуть дальше, волк!

У Клер задрожали колени. Но перед глазами у нее стоял только Моиз — с окровавленной пастью и рычащий как никогда прежде.

— Мсье, сжальтесь! Не стреляйте! Где мой отец? Он не позволит вам застрелить моего Моиза. Я — дочка Колена Руа!

— Черт возьми, я знаю, кто вы! — зло отвечал Фредерик Жиро. — Я не слепой.

Тому, что случилось дальше, было суждено глубоко ранить сердце девушки и на многие годы омрачить ее воспоминания. Долго она будет помнить эту сцену с неизменным ощущением собственной ранимости, беспомощности и сожалением, что она — не сильный мужчина и в руках у нее нет ружья.

Фредерик спустил курок. Эхо выстрела прокатилось по долине. Пуля угодила Моизу в грудь. Пес взвизгнул, словно от изумления, и повалился на бок. Лапы его задержались, дыхание стало надрывным, хриплым. Вторая пуля настигла нечто серое, затаившееся в чашеобразном углублении в горе, почти скрытом горкой сухой земли.

— О нет! — прошептала потрясенная Клер.

У волчицы был раскроен череп. Она упала и больше не шевелилась. Запахи пороха и дикого зверя, неумолимая жестокость этой двойной расправы... Клер затошнило от

отвращения. Шатаясь, она отступила на пару шагов, и ее вырвало. Конечно, неприятно, что это случилось на виду у наследника семьи Жиро, но что поделаешь? Лоб у девушки был мокрый от испарины, живот сводило болью, и вдобавок ко всему она чувствовала себя униженной и слабой.

— Надо же, как вы чувствительны, мадемуазель! — услышала она низкий голос Фредерика. — Вам нечего делать в долине с наступлением ночи. Охота — дело мужское.

Клер вытерла рот тыльной стороной руки. От потрясения она немного оправилась и теперь хотела одного — наброситься на это чудовище в кожаных сапогах и бить его, бить, бить...

— Теперь вы довольны? — едко спросила она.

Девушка задыхалась, сдерживая слезы. Фредерик же закинул ружье на плечо и, усмехнувшись, подобрал с земли фонарь.

— Пришлю кого-нибудь из прислуги отрезать у волка лапу. За это назначена награда, пусть получит. А вы, Клер, возвращайтесь домой и впредь будьте осмотрительнее.

Фредерик Жиро подошел и затянутым в кожаную перчатку пальцем провел по щеке девушки. В свете танцующего огонька его лицо казалось надменным и жестоким.

— Я всю жизнь буду вас ненавидеть! — крикнула ему Клер.

Он засмеялся и пошел вниз по склону.

— Я не против, мадемуазель! Мне нравятся девушки с характером, — последовал ответ. — Хотя прошлым летом на деревенском балу я не был вам так уж неприятен.

Клер промолчала. Спотыкаясь, она добрела до своего пса и опустила на колени рядом с ним. Бедный Моиз дышал прерывисто, его добрые, золотистого оттенка глаза поблескивали в темноте.

— Моиз, милый, как он мог так с тобой поступить? — зашептала Клер, обнимая собаку.

Она рыдала, забывшись в своем страдании, в своем возмущении.

Слова сами слетали с губ, голос ее по-детски дрожал:
 — Мой славный Моиз, как ты тут оказался? Я уверена, никакой ты не бешеный. Если ты и рычал на этого болвана Фредерика, значит, была причина! Я-то знаю, что ты добрый, хороший пес!

Каждое слово приближало Клер к осознанию произошедшего. Последние несколько недель Моиз и правда вел себя странно...

«Рано утром он убежал со двора и возвращался вечером. А еще мама жаловалась, что он душит наших кур, хотя прежде Моиз даже на диких кроликов не охотился!»

Она погладила пса по голове и по шерстистому боку, вздымавшемуся все чаще. Моиз был пастушьим псом, светлой, с рыжими пятнами, масти.

— Когда папа принес тебя в дом, я хотела назвать тебя Бланшо¹, но ты прыгнул в речку и чуть не угодил под мельничное колесо. Я едва успела схватить тебя за хвост. Тогда мама сказала, что лучше назвать тебя Моиз², потому что я спасла тебя из воды, совсем как дочка фараона — младенца Моисея, который потом стал пророком.

Клер умолкла и заплакала еще горше. Собачий бок у нее под руками вдруг замер и опал. Моиз умер. Она надрывно вздохнула. Вдали снова загремели выстрелы: облава продолжалась.

Девушка никак не могла заставить себя уйти. Время шло, а она все сидела возле мертвого пса, и вдруг где-то рядом послышался писк. Не веря своим ушам, девушка на ощупь двинулась туда, где лежала волчица. Она пошарила на земле возле еще теплого трупца...

— Ай!

Словно иголка впиалась в запястье. Клер подумала — змея, но откуда ей взяться здесь зимой? Когда глаза

¹ От фр. *blanc* — «белый».

² Моиз — французский вариант библейского имени Моисей.

ее привыкли к темноте, девушка разглядела шевелящийся комочек.

— Что это?

Она схватила малыша, и тот начал отчаянно отбиваться, тоненько пища. Затаив дыхание, она перенесла его поближе к тропинке, где было не так темно.

— Волчонок! Но почему тогда...

Звереныш был размером с кошку и отчаянно барахтался от страха. Клер разглядела у него на лбу белое пятнышко, ярко выделявшееся на почти черной шерстке. Вот оно, объяснение, хотя поверить ей в это удалось не сразу.

«Моиз завел себе подругу, волчицу... Поэтому он защищал вход в пещеру! Спрошу у папы, он скажет точно. Хотя нет, папа в этом мало смыслит. Лучше сразу пойти к Базиллю. Он поможет!»

Клер спрятала волчонка на груди, под накидкой. Горе ее было велико, но присутствие этого теплого комочка стало для нее неожиданным утешением. Она дала себе зарок, что вырастит малыша, подаренного ей судьбой. И смерть его отца не будет совсем уж напрасной.

Так, улыбаясь сквозь слезы, она спустилась на проезжую дорогу. Этой морозной, снежной ночью в душе у Клер родились глубокое сочувствие ко всем обездоленным и потребность бороться с несправедливостью. Девушка, которая торопливым шагом устремилась к дому Базиля Дрюжона, бывшего школьного учителя, была уже не та бестрепетная и жизнелюбивая Клер, которая час назад выбежала из дома, хлопнув дверь. Юбка у нее была в крови, а душа постигла величайшую тайну: счастье и беззаботность, увы, недостижимы.

* * *

Закинув ноги на табурет, Базиль Дрюжон курил трубку. Он любил такие вечера: сидишь себе у огня, приятно согревающего ноги и лицо, в клубах табачного дыма, и смотришь,

как он спиралью поднимается вверх. Но сегодня отдых не задался. Положив седовласую голову на спинку единственного кресла, он ворчал себе под нос при каждом звуке выстрела, раздиравшего тишину долины.

Мсье Дрюжон был худощав, и его тонкие бесцветные губы под аккуратными усиками наводили на мысль, что их обладатель — человек мелочный, узких взглядов. Но стоило ему улыбнуться, и полный нежности взгляд золотистокорих глаз опровергал это впечатление.

— Чертовы буржуа! Эти Жиро пуль не считают! Невежи, которые наверняка не читали «Смерть волка» де Виньи...

И, смежив веки, он продекламировал вполголоса:

И, не желая знать, за что и кем изранен,
Глаза свои закрыл безмолвен, бездыханен¹.

Преподавание арифметики и литературы — не единственное, что увлекало его в жизни. Базиль Дрюжон в свое время был коммунарком, с первых дней приветствовал становление Третьей французской республики. В 1870 году, бросив все, он отправился в Париж и сражался бок о бок с Луизой Мишель² и ее сторонниками. Из этого приключения, стоившего ему учительской должности, он вынес массу трагических воспоминаний и постоянную боль в плече после тяжелого ранения. На момент приезда в долину О-Клер и знакомства с Коленом Руа, бумажных дел мастером и владельцем Пастушьей мельницы, мсье Дрюжону было уже за пятьдесят, и он искал спокойное место, где можно было бы поселиться. Отец Клер очень дешево сдал ему домик на отшибе, где он с тех пор и жил. Река и окрестности давали ему все необходимое. Базиль ловил форель и лягушек, выращивал карто-

¹ Двустипшие из стихотворения Альфреда де Виньи «Смерть волка» дано в переводе Александра Федорова.

² Луиза Мишель (1830—1905) — французская революционерка, писательница и поэтесса.

фель и брюкву. На деньги, полученные от продажи овощей, покупал себе табак и хлеб. Еще писал за неграмотных соседей письма — в глубинке очень востребованная услуга.

Мсье Дрюжон как раз размышлял, что посадит весной, когда в ставню постучали.

— Базиль, это я, Клер! Пожалуйста, открой!

— Вот так новость! — буркнул он себе под нос. — На мельнице случилась беда, иначе девочка не пришла бы так поздно!

Он знал Клер с пятилетнего возраста, и хоть прошло больше десяти лет, все еще считал ее ребенком и придумывал для нее массу ласкательных прозвищ.

Клер, тяжело дыша, вбежала в дом. Базиль закрыл за нею дверь на засов.

— Уж не сам ли дьявол за тобой гнался, моя крошка? Кто-то заболел? Бертий? Мадам Руа?

— Нет. Вот, посмотри! — пробормотала девушка, показывая ему волчонка. — Базиль, ты не поверишь! Руку даю на отсечение: этот малыш — дитя любви нашего Моиза и волчицы! Видишь, у него на лбу белое пятно и на животе тоже. Только Моиза больше нет...

— Угомонись, девочка, и все мне расскажи. Выводы сделаем после. Ты вся дрожишь!

Меньшего от своего друга Клер и не ждала. Он не станет кричать, взывать к Господу и всем святым на небесах. Базиль руководствуется логикой.

— Сейчас налью тебе чего-нибудь согреться, — продолжал хозяин дома.

Девушка наблюдала за ним с чувством облегчения. Прихрамывая, Базиль подошел к серванту, взял два стакана и бутылку.

— Так что стряслось? — спросил он.

Клер, у которой щеки разругались от алкоголя, стала рассказывать. Базиль не перебивал, только кивал и потирал подбородок.